высокое положение в казацкой старшинской иерархии, славные своими воинскими, дипломатическими, литературными заслугами. В одном из дальних ответвлений гоголевской родословной встретим и имя гетмана Ивана Мазепы, в родстве с которым был Матвей Трощинский, прадед Дмитрия Прокофьевича Трощинского, «казака-вельможи», как назвал его Шевченко, министра и сенатора, приходившегося двоюродным дядькой матери писателя Марии Ивановне (подробнее я пишу об этом в [10]). И любимая бабушка Татьяна Семеновна, урожденная Лизогубовна, и благодетель семьи Трощинский, в имении которого в Кибинцах Никоша проводил много времени, были живыми хранителями памяти рода, семейного предания, неразрывно связанных с национальной памятью и историей.

Осознал это Гоголь лишь повзрослев, уже в Петербурге, и это совпало с началом писательской деятельности. Тема дедов и прадедов становится одним из важнейших лейтмотивов «Вечеров на хуторе близ Диканьки» и «Миргорода». Уже само имя рассказчика в «Вечерах...» — Панько — напоминает о деде Афанасии Демьяновиче (в украинском языке уменьшительная форма «Панько» может соответствовать двум именам — Пантелеймону и Афанасию, или Опанасу, Панасу); герой «Старосветских помещиков» прямо назван Афанасием; дети Тараса Бульбы носят имена, называемые в королевской грамоте, выданной когда-то полковнику Гоголю,— Остап и Андрий [4]; ссылки на деда, на его бывальщины и случавшиеся с ним удивительные приключения находим в «Вечере накануне Ивана Купала», в «Пропавшей грамоте» и «Заколдованном месте». При этом размытой оказывается грань между автором, рассказчиком (точнее, обоими рассказчиками — нынешним и давним) и дедами-прадедами: «А как еще впутается какой-нибудь родич, дед или прадед,— ну, тогда и рукой махни: чтоб мне поперхнулось за акафистом великомученице Варваре, если не чудится, что вот-вот сам все это делаешь, как будто залез в прадедовскую душу или прадедовская душа шалит в тебе...».

Казацкая душа Остапа Гоголя, несомненно, «шалила» в молодом писателе. Хотя имя далекого пращура мы у него нигде не встречаем, вряд ли это можно объяснить «болью» и «ущербностью», которые якобы испытывал Гоголь из-за «измены» полковника, находившегося на службе у польского короля; такое мнение, высказанное американским гоголеведом Л. Стилменом и сочувственно излагаемое Г. Грабовичем [5, с. 85], представляется беспочвенным. Прежде всего потому, что случай этот далеко не исключительный. Остап Гоголь был на польской службе в числе многих и многих представителей казачества Украины, вошедшей, согласно Люблинской унии 1569 г., как часть Великого княжества Литовского в состав Речи Посполитой, позднее — Правобережной Украины, которую Москва вскоре же после Переяславских договоренностей «уступила» в 1667 г. Польше по Андрусовскому перемирию. При таких условиях нахождение на королевской службе было делом совершенно естественным и никак не могло считаться чем-то предосудительным, тем более — изменой, если, конечно, оружие не обращалось против братьев. Кроме того, вопрос о службе Остапа Гоголя польской короне вообще не так уж однозначно прост; в сложнейшей политической обстановке на Украине второй половины XVII в. полковник метался между разными силами: мы видим его рядом то с Богданом Хмельницким, то с Иваном Выговским, то с Петром Дорошенко, то союзником Москвы, то ее противником, однако никогда он не руководствовался в своих решениях беспринципными карьеристскими соображениями, а лишь интересами Украины, как он их понимал (см. об этом [13]). Наконец, утверждение о будто бы мучавшем Гоголя комплексе вины и покаяния из-за предка не подкрепляется ни единым примером или хотя бы косвенным намеком в его сочинениях, набросках, письмах. Напротив, есть говорящий о многом реальнейший факт совсем иного плана — выбор фамилии.

[4] На эту деталь обратил внимание И. Золотусский [11, с. 8]. Правда, как показал А. Лазаревский, имя некоего Андрея появилось в генеалогических документах Гоголей-Яновских ошибочно (см. [12, отд. II, с. 8]); в данном случае, однако, сути дела это не меняет.